

17. Харченко Е.В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – 363 с.
18. Шварцкопф Б.С. Официальный – деловой язык // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 421–439.
19. Шварцкопф Б.С. Культура деловой речи // Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М.: НОРМА – ИНФРА, 1998. – С. 216–238.
20. Шварцкопф Б.С. Официально-деловой стиль // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. – С. 312.

Е.Ф. Нечаева

ОППОЗИЦИЯ Я - ДРУГОЙ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЛИНГВИСТИКОЙ

Одним из ключевых вопросов психологии является вопрос самоидентификации и самоактуализации человеческой личности посредством отношения Я – Другой. С глубокой древности мифология, религия, философия и вся мировая литература как практическое их отражение представляют широчайший диапазон возможных путей решения этого вопроса.

Наиболее яркое воплощение проблема отношения Я – Другой получила в психоанализе XX века. Родившись в исследованиях З.Фрейда как психотерапевтическое направление, психоанализ коснулся целого ряда прежде запретных тем, связанных с жизнью бессознательного начала в человеке, соединил в себе психологические и собственно философские аспекты, став поистине синтетической дисциплиной по изучению человека. Бессознательное для Фрейда – это мощное энергетическое начало. Он сравнивает его с лошадью, а сознание – с всадником. Всадник обычно управляет лошадью, но если она понесет, то ему почти невозможно с нею справиться. Для З. Фрейда оппозиция Я – Другой составляет основу понимания структуры человеческой личности. Организация психической жизни выступает в виде модели, имеющей своими компонентами различные психические инстанции, обозначаемые терминами Оно (ид), Я (эго) и сверх – Я (супер-эго) [16]. Под Оно (ид) З.Фрейд понимает наиболее примитивную инстанцию, которая охватывает все то, что генетически определено в человеке, дано ему от природы. Эта инстанция, по Фрейду, изначально иррациональна и аморальна. Ее требованиям удовлетворяет инстанция Я (эго). Эго выступает в роли посредника между стимулами, идущими извне и стимулами, исходящими из глубин человеческого организма. Особое значение З.Фрейд придает Сверх – Я (супер-эго), которое служит источником моральных и религиозных чувств, источником самосовершенствования. Если ид предопределен генетически, а Я – продукт индивидуального опыта, то Супер-Эго – это продукт влияний, исходящих от других людей. Принципиальная цель

психоанализа состоит в том, утверждает Фрейд, «чтобы усилить Я, сделать его более независимым от *супер-Я*, расширить поле его восприятия и усовершенствовать его организацию, чтобы оно могло освоить новую порцию Оно» [16: 579].

Вторая после З. Фрейда фигура психоаналитического направления – К.-Г. Юнг. Для Юнга между сознательным и бессознательным в человеке характерно единство, а не борьба. По Юнгу, люди, в зависимости от отношения к внешнему влиянию, делятся на два основных психологических типа: интроверты и экстраверты. Интроверт – личность, погруженная в себя, в глубины внутреннего мира. Экстраверт – активно выражает себя в коммуникации, энергичен и ориентирован на других. Юнг выделяет сферу коллективного бессознательного, обладающего всеобщей природой. Коллективное бессознательное составляет основную часть души, а его содержание принадлежит всему человечеству. Юнг отмечает, что «инстинкты и архетипы вместе составляют коллективное бессознательное. Я называю его коллективным потому, что, в отличие от личного бессознательного, оно состоит не из индивидуальных и более или менее самобытных содержаний – его содержания универсальны и регулярно повторяются» [19: 19].

Идеи З. Фрейда и К.-Г. Юнга получили развитие в деятельности одного из самых популярных психоаналитиков конца XX века – Ж. Лакана. Главным в его концепции «возврата к Фрейду» был существенный момент модификации установок классического психоанализа: признание опорным положением Фрейда о выполнении языком символических функций по отношению к бессознательному. Ж. Лакан добавляет в это положение расширенное понимание языка в целом, как особого «кода бессознательного» [6].

Концепция «человеческого Я» Ж. Лакана строится на четком разграничении: *Я*, *Я-идеала* и *сверх-Я*. Функционирование человеческой психики, по Лакану, зависит от координации трех уровней – Реального, Воображаемого и Символического; принципиальной для человека является степень идентификации с *Другим*, создание «*своего я*» по образу и подобию *Другого*. Первый синтез Воображаемого связан с так называемой «концепцией стадии зеркала». Ж. Лакан исходит из определенной особенности человеческого поведения, выявленной данными сравнительной психологии. «Состоит эта особенность в том, что ребенок, отставая какое-то – относительно недолгое, правда, – время от детеныша шимпанзе по развитию инструментального мышления, способен однако, уже в шестимесячном возрасте узнавать свое отражение в зеркале именно в качестве своего собственного [7: 7]. Ж. Лакан определяет этот период как «стадию зеркала» и понимает «происходящее на стадии зеркала как идентификацию во всей полноте того смысла, который несет этот термин в психоанализе, происходящую с субъектом при ассимиляции своего образа» [Op. cit.: 8]. После «стадии зеркала», где человеческое «Я», по Лакану, оседает в своей первоначальной форме, следует стадия объективации – идентификации с *Другим*. Как отмечает О.Н. Саяпина, «подчеркнув разрыв между воображаемым Я и быти-

ем человека до захвата образом другого, Лакан, по сути, создает концепцию, где биологическое (собственная действенность субъекта) противопоставляется социальному» [15: 36]. После «стадии захвата образом другого» при помощи языка «Я» «восстанавливает функционирование во всеобщем в качестве субъекта» [6: 9]. В этом заключается основной смысл концепции Лакана. Язык – ключевое понятие его концепции. Язык есть формальный принцип структурирования. В связи с этим встает вопрос об особой актуальности и ценности лингвистических исследований. Выявление особенностей того или иного языкового сознания первоначально для понимания принципов психоанализа.

Оппозиция *Я – Другой* продолжает оставаться одним из самых актуальных вопросов исследования психологов и сегодня. Российский психолог Л.Я. Дорфман выделяет две четкие формы взаимодействия индивидуальности с миром: *воплощение* и *превращение* [5]. Индивидуальность распространяет логику существования субъекта на другие субъекты. «*Воплощение* может проявлять себя в самых разнообразных формах. В одних случаях оно выступает в форме личностных вкладов, в других – как идентификация, в третьих – как любовь к себе в другом человеке, в четвертых – как преобразования воплощаемых объектов путем их подчинения (экспансия, доминирование, агрессия), в пятых – как перенос и нарциссизм, открытые в психоанализе. В процессах *превращения* также совершаются акты трансценденции, но в их основе лежит иной механизм. Всякое превращение предполагает состояние “быть в другом” и “быть другим”. Если в процессах *воплощения* индивидуальность реализует отношения “быть в другом”, оставаясь самой собою, то в процессах *превращения*, напротив, *будучи в другом, индивидуальность начинает жить другим и становится другой*» [5: 5].

Задумываясь над проблемой оппозиции *Я – Другой* и ее осмыслением в психологических исследованиях, я вновь обращаюсь к важности тезиса Ж. Лакана о языке как о механизме, «восстанавливающем человеческое “Я” во всеобщем в качестве субъекта». Дело в том, что сам язык, его внутренняя структура, его «характер», по В.Гумбольдту, определяет степень дистанции, границы между двумя человеческими «Я».

Еще в 1926 году Ш. Балли в работе «Выражение идеи “персональной сферы” и “сферы солидарности” в индоевропейских языках» говорил о необходимости исследования индоевропейских языков в ракурсе двух сфер: т.н. «*персональной сферы*» (*sphère personnelle*) и т.н. «*сферы солидарности*», т.е. «*сферы пересечения с другими лицами*» (*sphère de solidarité*) [20]. «*Персональная сфера*» касается только субъекта, а «*сфера пересечения с другими лицами*», т.е. «*межличностная сфера*» затрагивает его взаимоотношения с другими субъектами. Если проанализировать степень возможного проникновения из «персональной зоны» одного субъекта в «персональную зону» другого субъекта, то эта степень также оказывается принципиально различной в разных языках. Это мне кажется принципиальным.

Целью лингвистического исследования, на мой взгляд, должно стать выявление дистанции между двумя человеческими «Я» и степени возможного проникновения из «персональной зоны» одного субъекта в «персональную зону» другого субъекта для каждого языка в отдельности и, соответственно, для каждого языкового сознания.

Языковое сознание определяется сегодня как закрепленный в лексико-грамматическом строе специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящем на данном языке. Таким образом, языковое сознание представляет собой главную составляющую того, что Юнг определил в качестве «коллективного бессознательного». По Юнгу, «бессознательное не в состоянии производить ничего сверх того, что уже известно и принято в сознание» [19: 179]. Языковое сознание имеет собственное представление о добродетелях и пороках, вопрос этот сугубо национален. Это тоже было косвенно сформулировано Юнгом: «В коллективной психике специфические добродетели и пороки людей содержатся точно так же, как и все другое. И вот один засчитывает коллективную добродетель в свою персональную заслугу, а другой коллективный порок в свою личную вину» [Op. cit.: 206]. Таким образом, мы обязаны выявить и сформулировать те добродетели и пороки, которые определены языковым сознанием, не декларируемы культурой, а именно растворены в языковом строе.

Впервые к тому, чтобы задуматься об актуальности темы несовпадения дистанции между «Я» и «Ты» и возможности проникновения из одной зоны в другую, резко различающейся в двух языковых сознаниях, меня подтолкнули два эпизода.

Эпизод 1.

Несколько лет назад у меня гостила коллега из Франции, преподаватель лица в Тулоне. Она – очень образованная, побывавшая в различных странах женщина, однако это был ее первый визит в Россию. В Московском метро она была потрясена достаточно привычной для нас сценой, когда пассажиры, желая проявить заботу, довольно резко подтолкнули стоящую у дверей женщину и показали ей на освободившееся в центре вагона место, предлагая таким образом присесть. Моя французская коллега никак не могла понять такой «заботы», и я почувствовала, что эта сцена причинила ей почти физическую боль. Ночью она долго не могла уснуть, пила успокоительное, и когда я поинтересовалась, чем она так обеспокоена, она сказала:

- Знаешь, у меня такое чувство, что они все со мной, в моей постели.
- Кто? – уточнила я.
- Эти люди... из метро.

Эпизод 2.

В годы перестройки прибалтийский журналист Урмас Отт брал интервью у посла Великобритании в СССР. Интервью транслировалось по телевидению. Посол демонстрировал прекрасное владение русским языком. Отвечал на колкие вопросы журналиста уверенно, четко, с юмором, прекрасно подбирая слова, однако

тон интервью оставался очень серьезным. Наконец, когда журналист спросил у посла, какой системы праздников он придерживается, живя в Москве, русской или английской, посол гордо ответил:

– Конечно, русской, ведь я сейчас живу в Москве. С волками жить – по-волчьи выть.

Первый эпизод красноречиво убеждает нас в том, что «персональная зона субъекта» во французском языковом сознании гораздо значительнее, чем в русском, и всякое проникновение в нее вызывает у носителя французского языка настоящий культурный шок.

Второй эпизод дает возможность понять, что две четкие формы взаимодействия индивидуальности с миром: *воплощение* и *превращение*, выделенные Л.Я. Дорфманом, также могут зависеть от языкового сознания. Носитель английского языка, несмотря на прекрасное владение русским языком, никак не мог понять смысл пословицы «с волками жить по-волчьи выть» в значении *превращения*, т.е. в той коннотации, которую имеет эта пословица в русском языке. Он мог понять ее только в значении *воплощения*, т.е. «необходимости учитывать законы общества, в котором ты живешь, считаться с ними, но не меняться самому, уподобляясь другим».

Рассмотрим пример из дискуссии П. Рикера с российскими исследователями. На вопрос российского ученого Г.П. Никулина: Что для Вас является основанием для идентификации «я» и «ты», П. Рикер отвечает: «непосредственная связь между “я” и “ты” имеет место крайне редко, она встречается только в отношениях дружбы и любви. Но даже в этих отношениях присутствует элемент институциональности. Так, брак – это институт распределения ролей. Я пытался это показать с помощью языка. Когда мы говорим, мы пользуемся языком, изобретенным не нами и подчиняющимся определенным лексическим, фонетическим и синтаксическим правилам. В этом смысле можно сказать, что нас объединяет мир языка. В действительности существуют не два человека, разговаривающие друг с другом, а целое лингвистическое сообщество, дающее нам инструменты, с помощью которых мы ведем беседу» [14: 108]. Продолжая эту мысль П. Рикера, хотелось бы особо подчеркнуть, что язык и лингвистическое сообщество – это не только инструменты, а прежде всего, особый тип языкового сознания с собственными внутренними установками и собственным понятием о добродетели и пороке.

Принципиальным, на мой взгляд, является тот факт, что, оппозиция «Я – Другой» оказывается имманентной культуре, мыслится в зависимости от уровня дистанции между «я» и «ты», установленной тем или иным языковым сознанием. Подтверждением этому является концовка ответа П. Рикера на вопрос, заданный российским исследователем: «итак, одна из основных проблем моей лекции – это вопрос о целесообразности различения двух значений понятия “другой”: существует другой, в котором я вижу личность и которого я могу воспринимать как “ты”, и “другой” как все остальные, с которым я связан институционально, но в которых я не вижу

личности» [Op. cit.: 108]. Эти слова П. Рикера красноречиво свидетельствуют о том, что знаменитый исследователь является носителем французского языка и, следовательно, французского языкового сознания, устанавливающего четкий уровень границы между «я» и «ты» и структурирующего институциональные отношения людей за счет системы вокативов.

В русском языке граница между «я» и «ты» оказывается размытой. Для русской речи очень характерно употребление формы 2-го лица единственного числа для выражения собственных мыслей и передачи собственного жизненного опыта:

- *Как ты готовишь это тесто?*
- *Очень просто: берешь стакан муки, три яйца, стакан сахара, все тщательно перемешиваешь, добавляешь щепотку соли, – и твое тесто готово...*

Такие предложения в русском языке традиционно называют «обобщенно-личными». А.А. Шахматов выделял две разновидности предложений этого типа:

- 1) разновидность, где 2-е лицо заменяет 1-е;
- 2) собственно-неопределенно-личную разновидность, в которой глагольная форма вызывает представление о человеке или о людях вообще (цит. по [1: 336]).

Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, комментируя эту классификацию А.А. Шахматова, справедливо замечают, что «с чисто референциальной точки зрения указанные две разновидности не различаются. Нельзя было бы сказать, что в первом случае мы имеем дело с индивидуальной референцией, а во втором – с общеродовой» [1: 338]. По мнению авторов, «референт местоимения я/ты – это «результат абстракции отождествления ряда однотипных ситуаций. Речь идет об обобщении конкретных случаев... Характерной особенностью во всех типах употреблений является двойственность референциальных характеристик, свойственная наглядно-примерным описаниям» [Op. cit.: 350]. В подтверждение этой мысли авторы отмечают, что «на недоразумение, связанное со смешением двух указанных пониманий обобщенно-личных предложений (пусть и в не совсем точных с точки зрения грамматики терминах), обратил внимание Ю.И. Айхенвальд, отвечавший в книге «Спор о Белинском» своему критику (А. Дерману):

«Моя фраза “то представление, какое получаешь о Белинском из чужих прославляющих уст, в значительной степени рушится, когда подходишь к его книгам непосредственно”, – эта фраза истолковывается моим рецензентом так, что, помоему-де, либо никто до меня не подходил к книгам Белинского, либо “подойдя к ним и разрушив легенду в сердце своем, не нашел в себе мужества открыто об этом заявить”... Я должен напомнить г. Дерману, что есть *pluralis majestatis* и есть *pluralis modestiae*. То множественное число, которое заключается в моих обобщающих безличных выражениях “получаешь” и “подходишь”, – это, конечно, *pluralis* второй категории. По существу, я говорю о себе, только о себе, о своем субъ-

ективном впечатлении; но чтобы свою личность не выдвигать, я и употребил форму безличную» [Op. cit.: 351].

Я привожу эту цитату целиком, потому что она наглядно демонстрирует, что для русского языкового сознания проявлением скромности и высшим достоинством считается именно невыдвижение собственной персоны, невыпячивание себя, тогда как для французского языкового сознания – минимальное вторжение в зону другого. Для французской речи характерно употребление первого лица единственного числа, второе лицо употребляется с большой осторожностью, императивные формы часто заменяются инфинитивными, выражение просьбы и даже приказа чаще всего сопровождается прамбулой «*tu veux*» (ты хочешь):

«– *Veux-tu lire ce qu'il y a d'écrit audessus de ta partition?* – *demande la dame*
(M. Duras [21])

«– *Revenons a nous, veux – tu, mon vieux?*» (F. Sagan [22])

Использование императива во французском языке весьма ограничено. Во французских пословицах и поговорках совет (элемент дидактики), содержащийся в народной мудрости, чаще всего дается в виде общего высказывания:

notre esprit a toujours quelque chose, mais en reserve;
la loi a le nez en cire;
le bon a besoin de preuve, le beau n'en demande point и т.д.

либо при помощи нейтрального «*qui*»:

qui à la porte n' a sa croix, l'aura à la fenêtre;
qui a bonne chance aille dormir;
ce qui n' a pas de tête ne va pas, ce qui a deux têtes va moins encore;
qui n' a pas pas de frère est manchot и т.д.

Крайне редко во французских пословицах допускается использование формы императива. «*Dictionnaire des Proverbes, Sentences et maximes*» Мориса Малу приводит только одну единицу, содержащую в себе императивную конструкцию глагола *avoir*:

n'ayez pas de honte à dire ce que vous n'avez pas honte de penser.

Для французской поэзии использование императива также не характерно. Если автор хочет обратиться с советом к читателю, чаще всего используется инфинитив, с целью недопущения дидактизма.

К примеру, в стихотворении Ж. Превера, описывающим замечательный способ написания портрета птицы, автор, непосредственно обращаясь к читателю с советом, что нужно сделать для получения наилучшего результата, полностью избегает использования императива:

«*Peindre d'abord une cage*
Avec une porte ouverte

Peindre ensuite
 Quelque chose de joli
 Quelque chose de simple
 Placer ensuite la toile contre arbre
 Dans un jardin...»
 (J. Prévert)

Для русской фразеологии и для русской поэзии характерно повсеместное использование императива в качестве совета, т.е. непосредственного вхождения в зону другого, а также в качестве способа выражения собственных мыслей и собственного жизненного опыта, не с целью совета, как в предложениях обобщенно-личного типа с переходом «я/ты». И.Д. Чаплыгина в исследовании, посвященном средствам адресованности в современном русском языке, выделяет «Ты–катеорию» как особую функционально-семантическую категорию русского языка и отмечает, что: «В языке нет ничего случайного и нелогичного, значит, несовпадение общего значения и средств его выражения следует рассматривать как прагматически значимое явление. Обобщенно-личное значение пословиц, например, это, на наш взгляд адресованное высказывание, поскольку жанр нравочений предполагает получателя» [17: 71]. В справедливости этих слов особенно наглядно можно убедиться в рамках сопоставительного анализа, скажем, как в моем случае, при сравнении русского языка с французским.

Ф.М. Тютчев в знаменитом стихотворении *Silentium!*, говоря о необходимости самодостаточности, молчания и необращения к другому, использует императив:

«Молчи, скрывайся и таи
 И чувства и мечты свои –
 Пускай в душевной глубине
 Встают и заходят оне
 Безмолвно, как звезды в ночи, –
 Любуйся ими и молчи.

Как сердцу высказать себя?
 Другому как понять тебя?
 Поймет ли он, чем ты живешь?
 Мысль изреченная есть ложь.
 Взрывая, возмутишь ключи, –
 Питайся ими – и молчи...»

(Ф.М. Тютчев)

В этом случае мы имеем дело с использованием императива в качестве языкового способа реализации обращения к самому себе. Оппозиция *Я – Другой* реализуется в речи в качестве коммуникативной стратегии «Я–Ты».

Ю.М. Лотман в статье «Автокоммуникация: Я и Другой как адресаты» [9] говорит об органической связи между культурой и коммуникацией. Ис-

пользуя в качестве основной модели коммуникации известную модель, разработанную Р. Якобсоном, от адресанта к адресату через контекст, сообщение и код, Ю.М. Лотман выделяет два возможных направления передачи сообщения: «Я – Он», в котором «Я» – это субъект передачи, обладатель информации, «Он» – объект, адресат и «Я – Я» – случай, когда субъект передает сообщение самому себе. «В процессе такой автокоммуникации происходит переформирование самой личности, с чем связан весьма широкий круг культурных функций от необходимого человеку в определенных типах культуры ощущения своего отдельного бытия до самопознания и аутопсихотерапии» [9: 1, 2].

О.В. Четверикова, делая подробный анализ коммуникативных поэтических моделей как формы презентации авторских смыслов на материале поэзии М.И. Цветаевой, выделяет «эготивно-апеллятивный» уровень внутритекстового коммуникативного устройства с точки зрения модели говорящего. «Если говорить об эготивно-апеллятивных коммуникативных моделях, то второе лицо в них имеет четыре основные ипостаси: *собственное* – определенный, реальный единичный или коллективный адресат; *несобственное* – адресат, не обладающий коммуникативной способностью, – предмет, абстрактное понятие, природный мир, космос; *обобщенное*: Ты, Вы – человек вообще, определенная категория людей, человечество; *автокоммуникативное*: Ты – Я при обращении к самому себе» [18: 154]. Однако, на мой взгляд, любое из этих обращений носит оттенок автокоммуникации, автор всегда передает собственный жизненный опыт и обращается чаще всего к самому себе.

Интересно отметить тот факт, что русское языковое сознание с целью реализации коммуникативной стратегии «Я – Я» допускает и даже требует проникновения в зону «ты», т.е. в зону другого, иногда это принимает формы, абсолютно непонятные для другого языкового сознания.

«Девочкой своею ты меня назови,
а потом обними, а потом обмани...»

Абстрагируясь от художественных «достоинств» данного текста песни из репертуара певицы Валерии, рассмотрим, какова функция употребленных здесь форм императива. Они не выражают ни просьбу, ни совет, ни приказ. Несмотря на «*собственное*» по вышеуказанной классификации обращение к конкретному человеку – объекту любви лирической героини, они служат выражением жизненной программы, сформулированной для себя протагонистом и направляемой на другого, реализуя коммуникативную стратегию «Я–Я», описанную Ю.М. Лотманом. В случае с текстом песни, безусловно, «*собственное*» обращение «Ты» носит всегда более или менее обобщенный характер, но подобное использование императива с целью выражения лишь собственной жизненной стратегии героя, а не с целью реального руководства к действию встречается в русской литературе достаточно часто.

Персонаж из повести К.Г. Паустовского «Романтики» [13] Сташевский обращается к Оскару:

«– Оскар! – восторженно выкрикнул он. – Оскар, напишите оперу, чтоб в каждой ноте ревела жизнь. Понимаете жизнь дурашливая, крикливая, как клетка с попугаями. Ну что, разве плохая тема? К черту ваших жен в ситцевых халатах! Задушите канареек и уезжайте в Вену. Это город для Вас. Пейте там, плачьте на судьбу проституткам, шляйтесь по рынкам, возвращайтесь в свою комнату на рассвете, когда пахнет цветами и капустой, – и вы напишите великолепную оперу».

Давая совет Оскару, Сташевский вовсе не призывает Оскара в буквальном смысле «задушить канареек», он выражает посредством императива собственную жизненную стратегию, и, с точки зрения русского языкового сознания, проникновение в чужую жизнь, в зону другого вовсе не является пороком, а напротив, считается заботой о ближнем, всячески поощряется. В современной русской речи такое использование императива весьма распространено, особенно часто это встречается в языке рекламы, порой принимая абсолютно уродливые формы:

Делайте все, что хотите, пока мы сводим ваши балансы (реклама сотового оператора в г. Тверь)

Не воруй! (Объявление в маршрутном такси в качестве предвыборной агитации кандидата в мэры провинциального городка)

На любого жителя российской столицы обрушивается поток привычных «советов» со всех сторон:

Стойте справа, проходите слева.

Уступайте места пассажирам с детьми и инвалидам и т.д.

Вашему вниманию предлагаются журналы: «Покупай!» и «Отдохни!»

Носители русского языка воспринимают это вполне органично, это не вызывает у них чувства протеста, однако для представителей другого языкового сознания, по признанию французских специалистов, работающих в России, именно это представляет наибольшую трудность для жизни.

В своей книге «Как иметь дело с русскими» А.В. Павловская пишет:

«Иностранцы, живущие в Москве с семьей, не перестают удивляться одной и той же ситуации. Стоит только в холодную погоду выйти погулять с ребенком без шапки, как на вас обрушивается град советов и упреков в легкомысленном отношении к собственному ребенку. Советы на улицах от посторонних людей – дело привычное для москвичей... Русские чрезвычайно склонны к самокритике и самобичеванию. Но не надо забывать, что это оборотная сторона гордости и самолюбия. Не стоит покупать на заявления типа: “В этой стране жить нельзя!” Русские часто жалуется на жизнь, но вряд ли они оценят столь же критическое отношение со стороны постороннего человека» [12: 18].

А.В. Павловская объясняет эти черты русского человека чувством коллективизма и особым русским патриотизмом, однако, полагаю, причины этого – гораздо более глубокого порядка, и кроются они именно в особен-

ностях русского языкового сознания, «поощряющего» проникновение в «зону другого». Проводя сопоставительный анализ концепта «обладание» в русском и французском языках [11], я констатировала существенное сокращение размеров «персональной зоны субъекта» в русском языке и ее стремление раствориться в «зоне межличностных отношений». Имплицитность фундаментальных экзистенциальных смыслов бытия и обладания в русской речи свидетельствует об уменьшении личностного начала в русской лингвокультуре. О неагентивности, пассивности, отсутствии личностного начала в русском языке говорят многие исследователи. Так, Г.П. Мельников, в течение многих лет занимающийся внутренней формой русского языка и видя в ней «ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях», пишет, что имплицитность выражения, неактивность, безликость – типичная характеристика русского языка на лексическом уровне. «Неактивность, безликость может быть и грамматической, когда называемое содержание трудно подвести под определенную грамматическую категорию. Например, человека упрекают за многообразные поступки и заключают: “Естественно, что все это мало кому может понравиться”» [10: 10]. А. Вежицкая отмечает: «Богатство и разнообразие безличных конструкций в русском языке показывают, что язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению, причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими... Неагентивность – ощущение того, что людям неподвластна их собственная жизнь, что их способность контролировать жизненные события ограничена; склонность русского человека к фатализму, смирению и покорности; недостаточная выделенность индивида как автономного агента, как лица стремящегося к своей цели и пытающегося ее достичь, как контролера событий» [2: 33]. Действительно, когда русский человек не хочет что-либо делать, у него «руки не доходят», когда не хочет идти куда-нибудь – у него «ноги не идут»...

Однако отмеченное многими, слабо выраженное личностное начало в русском языке в зоне «Я» оказывается весьма комфортно себя чувствующим в зоне «Ты», и можно констатировать перемещение «персональной зоны субъекта» в «зону другого».

Что касается французского языка и французского языкового сознания, то там, напротив, констатируется ярко выраженное личностное начало и четкая граница между «я» и «ты». В.В. Воробьев в монографии «Лингвокультурология» [3] делает подробный анализ французского национального характера и отмечает, что внешняя услужливость, вежливость, но при этом эгоцентризм, чувственность и индивидуализм – типичны для французов. В.В. Воробьев, приводя цитату из М.Е. Салтыкова-Щедрина, говорит о лицемерии французов.

«Ежели этого рода лицемерие и нельзя назвать убеждением, то, во всяком случае, это знамя, кругом которого собираются люди, которые находят радость полицемерить именно тем, а не иным способом» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Цит. по [3: 227]).

Следует, однако, отметить тот факт, что «лицемерием» французское поведение называется М.Е. Салтыковым-Щедриным только с позиции русского языкового сознания, где искренность поведения считается добродетелью. Для французского языкового сознания существует принцип:

Каждый для себя, и Бог для всех
(chacun pour soi et Dieu pour tous), а также:

Быть важнее, чем иметь, а казаться важнее, чем быть
(être est plus important que avoir, sembler est plus important que être).

Таким образом, самый главный вопрос состоит, на мой взгляд, в том, какие характеристики выставляет языковое сознание в качестве приоритетов, и что оно считает добродетелью, а что пороком. Наряду с лицемерием, которое наблюдается во французском обществе, с точки зрения русских, французов часто упрекают в скупости. Действительно, француз, скорее всего, не предложит заплатить за ваш кофе, но связано это опять же с разным пониманием скупости русским и французским языковыми сознаниями. С точки зрения русских, скупость – это нежелание поделиться своим. С точки зрения французов – подсознательное ожидание, что кто-то должен с тобой поделиться. Знаменитое русское гостеприимство, неоднократно блестяще продемонстрированное русскими классиками, также являет собой добродетель только с позиции русского языкового сознания, с позиции же французов – оно, порой, воспринимается в качестве насилия.

У Н.В. Гоголя [4] в повести «Как поспорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» читаем:

«Боже мой, как он умел обворожить всех своим обращением! Тонкости такой я нигде не видывал. Он знал очень хорошо сам свое достоинство и потому на всеобщее почтение смотрел, как на должное. Судья сам подал стул Ивану Ивановичу, нос его потянул с верхней губы весь табак, что всегда у него было знаком большого удовольствия.

– Чем прикажете подчивать вас, Иван Иванович? – спросил он. – Не прикажете ли чашку чая?

– Нет, весьма благодарю, - отвечал Иван Иванович, поклонился и сел.

– Сделайте милость, одну чашечку! – повторил судья.

– Нет, благодарю. Весьма доволен гостеприимством! – отвечал Иван Иванович, поклонился и сел.

– Одну чашку, - повторил судья.

– Нет, не беспокойтесь, Демьян Демьянович!

– Чашечку?

– Уж так и быть, разве чашечку! – произнес Иван Иванович и протянул руку к подносу. Господи боже! Какая бездна тонкости бывает у чело-

века! Нельзя рассказать, какое приятное впечатление производят такие поступки!

– Не прикажете ли еще чашечку?

– Покорно благодарствую, - отвечал Иван Иванович, ставя на поднос опрокинутую чашку и кланяясь.

– Сделайте одолжение, Иван Иванович!

– Не могу. Весьма благодарен. – При этом Иван Иванович поклонился и сел.

– Иван Иванович! Сделайте дружбу, одну чашечку!

– Нет, весьма обязан за угощение.

Сказавши это, Иван Иванович поклонился и сел.

–Только чашечку! Одну чашечку!

Иван Иванович протянул руку к подносу и взял чашку».

Н.В. Гоголь описывает эту сцену с блестящей, только ему свойственной иронией, однако четко видно, что восьмикратное предложение чая после слова «нет» не порицается языковым сознанием, а, напротив, считается услужливостью и «всеобщим почтением». Терпение и смирение всегда почитаются добродетелями, тогда как от французов часто приходится слышать фразу, хоть и с оттенком иронии, что «терпение – есть главный недостаток русского народа».

Таким образом, возвращаясь к проблеме психоанализа и оппозиции «Я – Другой», можно сказать, что это, в первую очередь, лингвистическая проблема. Как уже было сказано выше, знаменитый продолжатель дела Фрейда Ж. Лакан справедливо заметил, что человеческое «Я» восстанавливает себя в качестве субъекта во всеобщем при помощи языка. Принципиально важен в связи с этим вопрос: Какого языка? К примеру, если сравнить французское языковое сознание с русским, мироощущение и понимание себя будут существенно отличаться уже с того момента, когда человек входит в мир с формулой «меня зовут (они зовут)» или «Я себя называю».

Итак, становится очевидным, что психоанализ может базироваться только на данных об особенностях конкретного языкового сознания. Однако, проблема, на наш взгляд, заключается в том, что сегодня психоаналитики, понимая важность языка в качестве ментального кода, строят исследования на основе собственных «языковых» ощущений, а не на данных лингвистических исследований в области конкретного языкового сознания. Так, современный французский психолог Т.Тап пишет: «Насколько мнение других связано с самоуважением? Этот вопрос принципиален для психологов, но самая главная проблема заключается в том, что реальная значимость (*valeur réelle / être*) и афишируемая значимость резко отличаются друг от друга (*valeur affichée / paraître*). Порой афишируемая значимость “собственного я” оказывается более преувеличенной, чем реальная, а бывает и наоборот» [23: 20–21].

Как показывает даже небольшой лингвистический сопоставительный анализ, вопрос степени реальной и афишируемой значимости, также как и

вопрос самоуважения личности, – напрямую зависят от приоритетов и особенностей того или иного языкового сознания, а коллективное бессознательное оказывается сугубо национальным и также непосредственно связанным с языковым сознанием. В связи с этим можно сделать вывод о необходимости соотнесения принципов психоанализа с законами и особенностями языкового сознания представителей конкретной нации.

В уже цитированной в этой статье речи знаменитый французский ученый П. Рикер во время встречи с российскими исследователями очень верно сформулировал мысль о признании взаимопонимания и взаимоуважения как высшей морали и высшей ценности человечества. «Понимание в процессе публичной дискуссии неминуемо ведет к уважению личности и, помимо этого, к самоуважению и взаимному признанию личности друг в друге» [14: 52]. Безусловно, самоуважение и признание личности друг в друге – главная общечеловеческая ценность, однако понимание ее и пути реализации для французского и русского языковых сознаний оказываются принципиально различными в связи с различным пониманием оппозиции «Я – Другой».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) – М: Школа: «Языки русской культуры». – 1997. – 576 с.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков – М.: Языки русской культуры, 1999. – 775 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология: Монография.–М.: РУДН, 2008.–336 с.
4. Гоголь Н.В. Повести. – М.: Детская литература, 1978. – 285 с.
5. Дорфман Л.Я. Воплощение и превращение как формы взаимодействия индивидуальности с миром / Дорфман 2000 – [http:// www. psychology.ru](http://www.psychology.ru)
6. Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. – М.: «Русское феноменологическое общество». Изд-во «Логос» – 1997 – 184 с.
7. Лакан Ж. Семинары. Книга 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. – М.: Гнозис, 1999, – 520 с.
8. Лебедев Н.М. Поэты России о родном слове. – Вышний Волочек: Изд-во: «Ирида-прос», 2008. – 160 с.
9. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю.М. Семиосфера.– СПб.: Искусство, 2000. – С.159–165.
10. Мельников Г.П. Внутренняя форма русского языка – ключ к пониманию его особенностей на всех уровнях // Беседы в обществе любителей российской словесности. – http://www.lgg.ru/slovo/Virtual_Sbornik.html
11. Нечаева Е.Ф. Концепт ОБЛАДАНИЕ как предельное понятие во французской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 178 с.
12. Павловская А.В. Как иметь дело с русскими. Путеводитель по России для деловых людей. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. – 96 с.
13. Паустовский К.Г. Романтики. Собр. соч. в 6-и т. – Т.1. Романы и повести. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. – 645 с.

14. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью. – М.: АО «КАМІ», Издательский центр «Academia», 1995. – 160 с.
15. Саяпина О.Н. Проблема субъекта бессознательного в психоанализе (на материале концепции Жака Лакана): Дис. ... канд. наук, – М., 1999. – 116 с.
16. Фрейд З. Психоаналитические этюды / Составление Д.И. Донского, В.Ф. Круглянского. – Минск: ООО «Попурри», 1997. – 608 с.
17. Чаплыгина И.Д. Средства адресованности. Ты-категория в современном русском языке: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 2002. – 505 с.
18. Четверикова О.В. Коммуникативная поэтическая модель как форма презентации авторских смыслов. – Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос.ун-т, 2008. – Вып.8. – С. 153–158.
19. Юнг К.Г. Психология бессознательного. – М.: Канон, 1994. – 217 с.
20. Bally, Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indoeuropéennes. – Zeitschrift: L. Gauchat, 1926 – 250 p.
21. Duras, M. Moderato cantabile. – Paris: Les edition de minuit. – 1958. – 170 p.
22. Sagan F. Un chagrin de passage. – Paris: Plon / Juilliard. – 1994. – 220 p.
23. Tap P. Preface Estime de soi. Perspectives developpementales. Sous la direction de M. Bolognini et Y. Preteur. Delachaux et niestle. – Lausanne, 1998. – 310 p.

В.А. Садикова

ТОПЫ И ТРОПЫ

Топы и тропы, несмотря на созвучие наименований и совместное функционирование в риторике на протяжении многих веков, никогда и нигде не рассматривались во взаимодействии. Связано это, на наш взгляд, с тем, что место топики в большинстве исследований определялось этапом риторического канона – инвенцией, тогда как выразительным средствам языка придавалось настолько исключительное значение, что именно они порой становились единственным содержанием и смыслом риторики в целом. Кроме того, выразительными средствами языка занимались и другие науки: сначала поэтика, в новое время стилистика. Топика же ушла на периферию научного сознания даже в риторике. Между тем взаимодействие топов и тропов совершенно очевидно и органично существует, что мы и попытаемся доказать.

В первом приближении нами выделены и систематизированы следующие структурно-смысловые модели (топы): ОПРЕДЕЛЕНИЕ, РОД и ВИД (разновидности), ОБЩЕЕ и ЧАСТНОЕ (конкретное), ЧАСТИ и ЦЕЛОЕ, ПРИЧИНА и СЛЕДСТВИЕ, СРАВНЕНИЕ, СОПОСТАВЛЕНИЕ, ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА (места, времени, причины, цели, условия, образа и степени действия), ПРИЗНАКИ, (качества, свойства), ИМЯ, ПРИМЕР, СВИДЕТЕЛЬСТВО, ДЕЙСТВИЕ, ПРИЧИНА и СЛЕД-